

Киран Миллуд Харгрейв

Илюстратор
Том де Фрестон

ДЖУЛИЯ

И АКУЛА

Переводчик
На́талья Калошина

МИО

МИФ Детство

Киран Харгрейв
Джулия и акула

«Манн, Иванов и Фербер (МИФ)»

2021

УДК 821.111-93-31
ББК 83.8:84(4Вел)-44

Харгрейв К. М.

Джулия и акула / К. М. Харгрейв — «Манн, Иванов и Фербер (МИФ)», 2021 — (МИФ Детство)

ISBN 978-5-00-195670-9

Захватывающая история о девочке, её маме и таинственной гренландской акуле. От автора бестселлеров и лауреата литературных премий. Джулия проводит летние каникулы с родителями на старом маяке в Шотландии. Её мама, морской биолог, ушла с головой в свой главный исследовательский проект, посвящённый гренландской акуле. Эта северная акула, способная прожить несколько сотен лет, встречается так редко, что многие считают её мифом. Но если всё же удастся её отыскать – возможно, наука получит ключ к продлению человеческой жизни. Десятилетняя Джулия тоже любит морских животных и в будущем хочет стать морским биологом. Но ей уже начинает казаться, что из-за этого смелого, почти фантастического научного проекта они с папой вот-вот потеряют маму навсегда. Значит, понимает Джулия, единственный способ вернуть маму – это отправиться на поиски акулы самой... На русском языке публикуется впервые.

УДК 821.111-93-31
ББК 83.8:84(4Вел)-44

ISBN 978-5-00-195670-9

© Харгрейв К. М., 2021
© Манн, Иванов и Фербер
(МИФ), 2021

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Киран Миллвуд Харгрейв

Джулия и акула

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Original title: Julia and the Shark

Text copyright © Kiran Millwood Hargrave, 2021

Illustrations copyright © Tom de Freston, 2021

The moral rights of the author and illustrator have been asserted

First published in Great Britain in 2021 by Hodder & Stoughton Limited

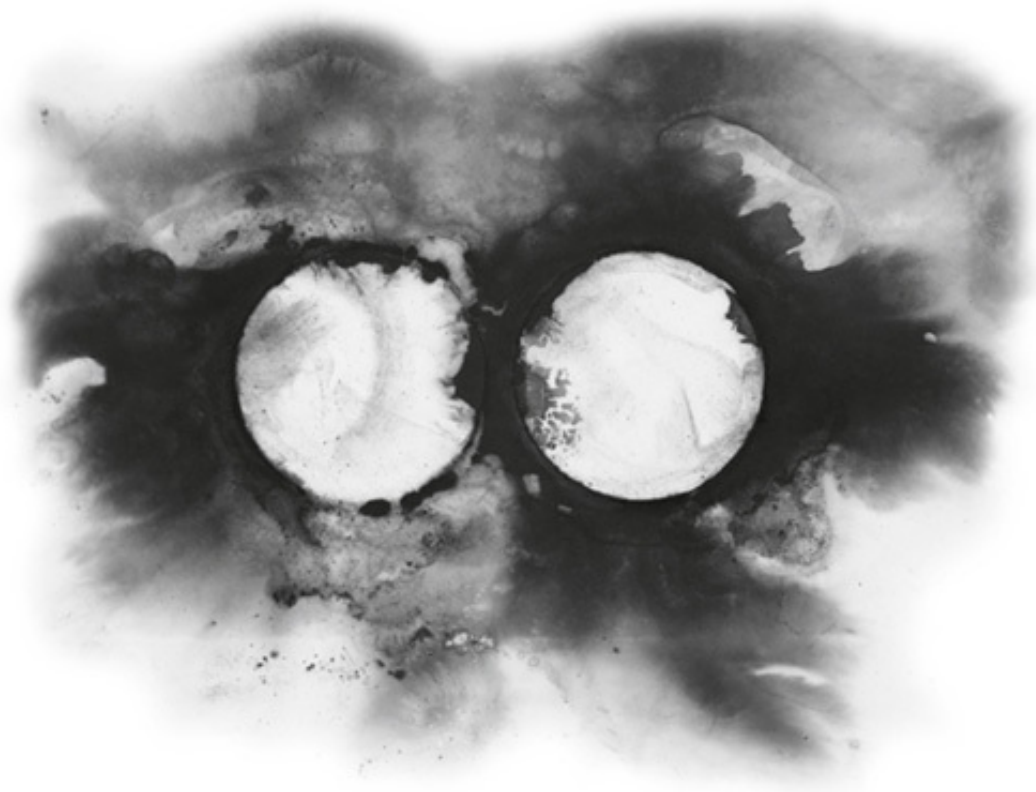
© Калошина Н. А., перевод, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2023

* * *

Издательство «МИФ» благодарит Полину Властовскую, Марию Шакура, Катрин Эклс и Марзену Карри за помощь в издании книги.

Розмари и Лавендер, благодаря которым стало возможно всё, что следует дальше

Глава 1

У моря больше тайн, чем у неба. Мама мне объясняла, что, когда море тихое-тихое и падают звёзды, некоторые небесные тайны влетают вместе с ними в море и становятся морскими. Когда мы жили на маяке, я выходила на галерею и длинным сачком для крабов пыталась поймать хоть одну тайночку, но так и не поймала.

А когда ночью бушевал шторм и швырял море в небо, а небо – в море, мелкие брызги поднимались до самого верха, до луча. Они облачками вплывали в окошки папиного кабинета и рассеивались по всему полу. Утром, открыв глаза, я вслушивалась в плеск волн – и тоже никаких тайн, никаких знаков с неба. Может, тайны просто тонут в ночи, как рыбы в воздухе.

Меня зовут Джулия. Я расскажу об одном лете, когда я потеряла свою маму, а нашла акулу, которая древнее дубов. Но не волнуйтесь – даже если это и спойлер, он не испортит конец.

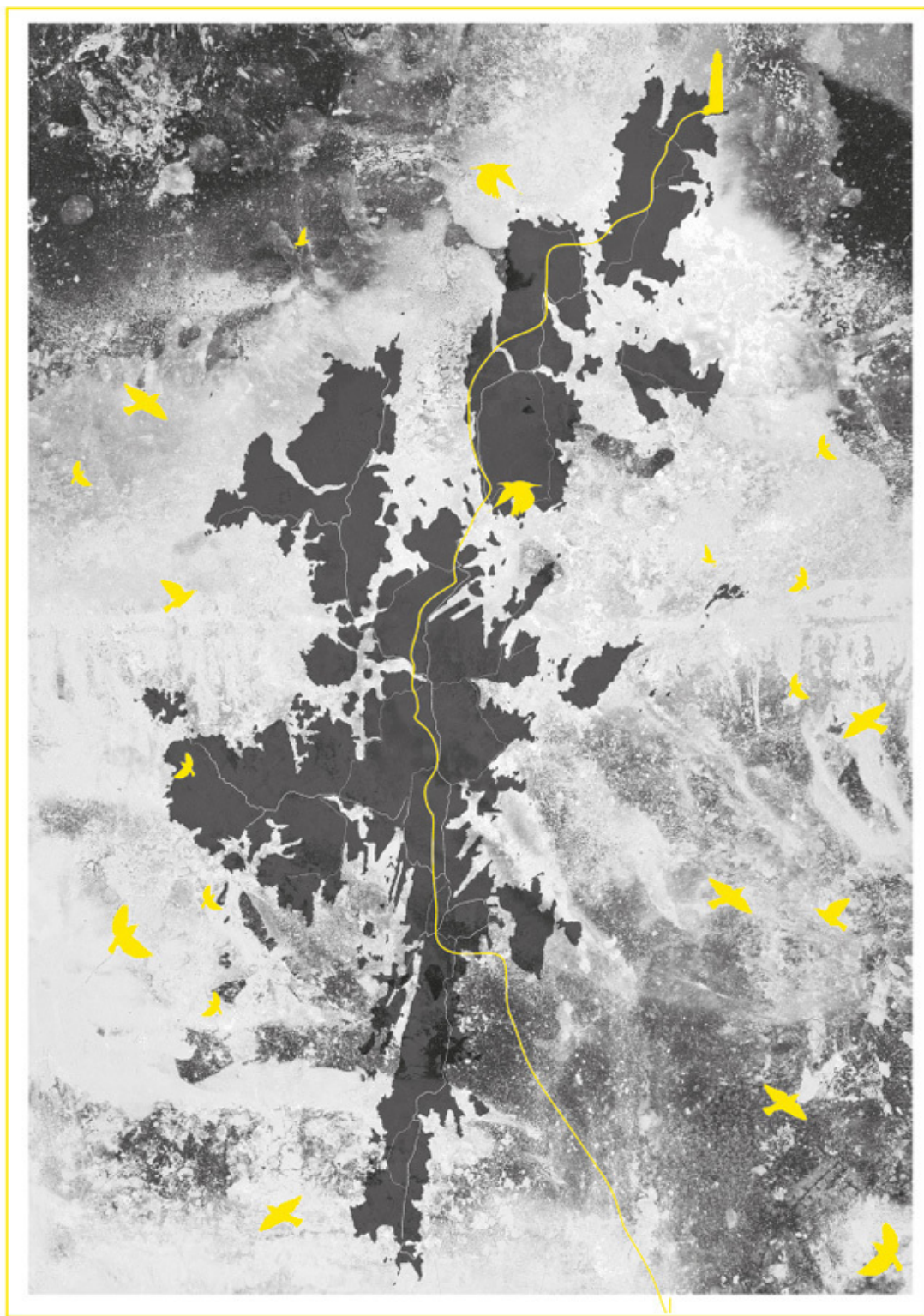
Джулией меня называли в честь моей бабушки, которую я никогда не видела, и ещё в честь папиной любимой компьютерной программы. Мне десять лет и двести три дня. Но это я, конечно, не сама считала, а попросила папу, просто я не очень люблю числа. Зато люблю слова. Числа можно передать словами, а слова числами не передашь – значит, слова главнее, правда?

А папа говорит: неправда. Ну да, он же работает с одними числами. Мы из-за этого и оказались в Шетланде, на старом маяке. Папу позвали написать специальную программу для маяка, чтобы всё в нём происходило автоматически. Раньше на маяке жил смотритель, лампа была не тысячеваттная, с вольфрамовой спиралью, а газовая и зажигалась от искры. И в звёздах то же самое: газ и искры.

От Шетланда до Норвегии ближе, чем до Англии. И даже чем до Эдинбурга. Чтобы найти Шетланд на карте, надо поставить палец на Хейл – это в Корнуолле, мы там живём, – и вести по диагонали вверх, вверх и вправо, до островов, которые похожи на чернильные брызги, – это Оркней, Оркнейские острова. И ещё выше, до следующих чернильных брызг, – вот это и будет Шетланд, группа Шетландских островов, архипелаг. Туда мы и отправились, на остров Анст. Анст, Шетланд, Шотландия.

Мне нравится, как люди там произносят название своей страны – как будто в этом слове спрятана ещё целая куча букв. Шо-аут-лаундия! Ещё важная вещь про слова: у них внутри бывают как будто секретные комнаты. И слова всё время меняются – смотря из чьего рта вылетели. Если из моего, то иногда они так меняются, что превращаются во что-то совсем другое, и папа тогда говорит: ну это уже враньё.

А у чисел никаких тебе секретных комнат внутри. Мой папа работает с языком чисел, который называется «двоичный код». В Оксфордском словаре слово «двоичный» объясняется так:

(прил.) связанный с двумя величинами; состоящий из двух частей.

С двумя, из двух. Правильно – неправильно. Правда – неправда. Ну и куда тут втиснуть секретную комнату?

И маме по работе тоже приходилось иметь дело с числами, но всё равно она всегда больше любила слова. А вообще, для учёного, конечно, важно и то, и то. Числа помогают отследить, сколько чего, но объяснить всё это можно только словами.

В Корнуолле мама изучала водоросли – вот те, которые очищают воду от вредных веществ. Когда-нибудь они, наверное, научатся даже перерабатывать пластиковый мусор. Может, вы смотрели такое видео – морская черепаха, и у неё в носу застряла пластиковая трубка от сока? Я смотрела давно, но та черепаха до сих пор у меня перед глазами. Хочу её забыть, а не могу. Но, может, и правильно, что не могу. Если делать вид, что чего-то нет, оно же от этого не исчезнет.

Когда папе предложили работу в Шетланде, мама первая сказала, что мы едем туда вместе и на всё лето. Потому что её водоросли – они, конечно, важные и должны помочь черепахам, но в Шетланде она будет ближе к тем существам, которых всю жизнь мечтала изучать, – к самым крупным обитателям самых холодных морей.

В университете она изучала китов и даже написала длинное-предлинное эссе про кита, который пустился странствовать вокруг света в одиночку, потому что он пел не на тех частотах, на каких поют все киты. То есть он их мог слышать, а они его нет. Я немножко понимаю, как он себя ощущал. С тех пор как мама заболела, у меня иногда бывает такое чувство, будто я ору громко-громко внутри себя. Но мамино самое любимое на свете существо – не кит, а акула. Гренландская акула. А раз акула мамина, то прошлым летом она стала и моей тоже.

Слова послушные, и мне нравится, что они тоньше чисел. Вот, допустим, я хочу рассказать вам свою историю, но так, чтобы она получилась правдивая и вы бы поняли. Если я вдруг начну рассказывать в числах, тогда получится, что из всех чисел про маму самое важное теперь – 93875400, номер с её больничного браслета. Но число 93875400 ничего не расскажет о маме. Это могут только слова. И то не всегда.

Я в них запутываюсь. Вот это самое плохое в словах, но это же и самое хорошее. Они означают столько всего сразу, от каждого слова будто тянутся ветви, корни, они такие длинные и их так много, что, если не знаешь точно, куда тебе нужно, можно в них заблудиться, как Красная Шапочка в лесу. Так что я лучше сейчас вернусь немного назад. Вспомню, куда я шла и куда мне нужно. Мне нужно туда, где мама.

До Шетланда мы добирались четыре дня. Это в два раза дольше, чем слетать в Австралию, туда и обратно. А Австралия ведь на другом конце света. Я-то думала, теперь, когда есть самолёты и всякие там суперэкспрессы, такого уже не бывает, – а вот и бывает: нам пришлось ехать на машине, потому что у нас с собой были книги, они слишком тяжёлые для самолёта. И была наша кошка Лапша, она слишком громко орущая для суперэкспреса.

А Лапша она, потому что сначала, когда ещё была мелкая, вся целиком помещалась в пластиковый стаканчик из-под лапши быстрого приготовления. Саму лапшу папа съедал на обед, а стаканчики мама ополаскивала и потом прораскивала в них помидорные семечки, ну просто выбрасывать пластик она терпеть не могла. А вы слышали, что у пиратов на кораблях жили кошки? Вот, Лапша у нас самая настоящая пиратская корабельная кошка. Если маме надо было сплавать на лодке на какую-нибудь ферму морских водорослей, она всегда брала с собой Лапшу. И Лапша сидела на носу лодки и шипела на море.

Уехать и оставить Лапшу в Корнуолле мы, естественно, не могли, поэтому мы пошли и купили ей клетку-переноску. Причём переноска эта была большая, собачья, она занимала почти всё заднее сиденье, а я сидела притиснутая к двери, и у моих ног стояли стаканчики с помидорной рассадой. Внутри переноски папа закрепил несколько полочек, чтобы можно было перебираться с одной на другую, а лоток отделил заборчиком – чтобы, когда надо, Лапша могла за ним спокойно рыться.

– Только бы не какала в дороге, – сказала мама. – У неё такие вонючие какашки.

– У всех вонючие какашки, – сказал папа. Ну правильно сказал.

Да, вот это у меня, конечно, получилось не очень: родители первый раз говорят что-то вслух – и сразу про какашки.

Но Лапша всю дорогу так истошно мяукала, что ей вообще, кажется, было не до лотка. Это у кошек такая суперспособность, они могут терпеть долго-долго. А люди не могут. И они ещё много чего не могут. Пока мы ехали, сто раз останавливались, чтобы сходить в туалет, или чтобы мама сменила папу за рулём, или наоборот. По дороге мы слушали аудиокнигу – «Воронье пугало» Дика Кинг-Смита, но она оказалась такая грустная, что мы почти всё время плакали.

Я отслеживала наш маршрут по карте. Мама с папой бумажными картами теперь не пользуются, у них навигатор, и они смотрят в экран. Но, по-моему, бумажная карта гораздо интереснее. На ней сразу всё видно. И дороги похожи на реки. Или на вены.

В первую ночь мы остановились в какой-то семейной гостиничке в Западном Мидленде, но хозяева, муж и жена, оказались жутко привередливые, они сказали, что с собаками к ним можно, а с кошками нет. Искать что-то другое было уже поздно, поэтому папа остался ночевать с Лапшой в машине, а я спала с мамой на огромной кровати с водяным матрасом – наверное, лет сто назад такие были в моде.

– Прямо как у кита в брюхе. – Мама ворочалась с боку на бок, никак не могла улечься. – У него внутри тоже всё булькает и стонет.

– Откуда ты знаешь?

– Знаю. Слышала. Однажды у нас кит проглотил микрофон – мы тогда записывали пение китов с помощью микрофонов. И оказалось, что громких звуков там больше, чем в море. – Дыхание у мамы сразу выровнялось и стало спокойное-спокойное. Я это помню с детства: так было всегда, когда она начинала говорить о море.

– И тебе не терпится попасть к шетландским китам, да?

– Ага. – По голосу было слышно, что мама улыбается. – Знаешь, какие там водятся киты? *Balaenoptera musculus*, *Physeter macrocephalus*, *Monodon monoceros*, *Delphinapterus leucas*.

– Синие киты, кашалоты, нарвалы, белухи, – без запинки оттараторила я, переводя мамину латынь в знакомые произносимые слова. – Тогда Шетланд – это прямо для тебя.

– И для тебя! У нас будет лучшее лето на свете.

– А выдр мы там встретим?

– Вряд ли. Но кто знает. – Мама никогда не отвечала на такие вопросы просто «да» или «нет». Потому что в науке есть место всему, невозможному тоже. – Но я в основном буду ходить на лодке в Норвежское море, на север. Я слышала, недавно рыбаки повстречали там гренландскую акулу.

Я надеялась, что мама расскажет сейчас что-нибудь интересное. Она мне с самого детства – моего, конечно, – рассказывала всякие истории о морских существах. И я их собирала – вписывала в жёлтую записную книжку с ромашкой на обложке, – одну за другой, как будто нанизывала бусы на нитку: каждая бусина – драгоценность. Но мама опять зевнула, и я поняла, что раз у неё даже кончились все её прекрасные слова о море, значит, она правда уже засыпает.

Я повернулась и стала смотреть на маму, но в темноте блестела только узкая полоска зубов, а остального лица как будто не было. Тогда я протянула руку и потрогала, чтобы убедиться, что оно тут. Я помню мамино лицо той ночью, помню ощущение под пальцами. Слова – это ещё и путешествие во времени.

На завтрак мы решили не оставаться, потому что в гостинице было слишком душно, а папа слишком злился и ворчал: ночью Лапша всё-таки покакала и его пижамные штаны провоняли. Мама вывесила их наружу и прижала оконным стеклом, чтобы не улетели, но на шоссе М5, прямо перед Бирмингемом, они всё равно улетели и попали под колёса грузовика. Папа с мамой немножко поругались, в итоге мы случайно укатили по М6 в Манчестер, но потом как-то выбрались на М62 и вернулись опять на М6.

Мне уже стало совсем скучно от этой М6 – и от этих названий дорог тоже. Лучше бы у них были нормальные имена, как в книгах. Скажем, «Эльфийский путь», или «Косой переулок», или «Дорога из жёлтого кирпича». Тогда и вам было бы интереснее про них читать, и мне – писать.

Глава 2

– Вот этот?

Мы сидели в машине на острове Йель, в деревне Гатчер, на набережной, и разглядывали стоявший у причала крохотный паромчик, который должен был отвезти нас на Анст.

Мы уже проехали почти тысячу миль по земле, потом долго-долго плыли по морю из Абердина в Леруик, тоже на пароме. Леруик – это такой городок на Мейнленде, а Мейнленд – самый большой из Шетландских островов. На карте, если она у вас ещё под рукой, он, конечно, всё равно будет крапинка. Но это будет самая крупная в Шетланде крапинка, и все паромы из большой Шотландии приходят именно сюда.

Всё, что я пока успела разглядеть в Шетланде, было зелёное и мокрое, а тучи висели так низко, что хоть трогай их рукой. Как только мы остановились, папа вылез из машины и начал делать свои жуткие приседания – ну такие, с откляченным задом. Когда он работает за компьютером, то делает их каждые двадцать минут. Мне сразу захотелось сползти с сиденья и куда-нибудь исчезнуть – спасибо хоть, что никого моего возраста поблизости не было видно.

– Рулетик? – Мама обернулась и протянула мне мясной рулетик в тесте. У неё на коленях стояло пластиковое ведёрко с рулетиками – размером с ведро из-под краски. Мама всегда говорила, что если уж приходится покупать что-то в пластиковой таре, то пусть лучше она будет большая, но одна, а не много маленьких. Рулетики мама всегда выбирала самые дешёвые, такие суховатые, мясная начинка в них розовая, как сосиска, или серая, в ней ещё иногда попадаются комочки, их надо выплёвывать. Папа говорит, что всё это ошмётки, которые мясникам не удалось никому втюхать, он такое не ест.

Когда я взяла у мамы рулетик, она потянулась – в шее даже хрустнули позвонки. Это понятно, со своей работой на свежем воздухе она не привыкла долго сидеть на одном месте. У неё был такой жёлтый дождевик, прорезиненный, как у буровиков, – на любую погоду. А когда работала дома, она ставила компьютер на кухонную столешницу и печатала стоя.

– Гренландская акула, – напомнила я.

– Мм? – промычала мама сквозь мясной рулетик.

– Ты вчера говорила, что там водится гренландская акула. Как думаешь, вы с ней встретитесь?

Мама прожевала рулетик и глянула на часы.

– Не хочешь выйти размяться?

– Только, чур, не рядом с папой.

Папа теперь размахивал руками во все стороны, хлопал себя ими по ногам и по попе и громко пыхтел, так что было слышно даже сквозь ветер: «Ф-ф-ф, ф-ф-ф».

Мама прыснула:

– Договорились!

Мы выбрались, мама залезла в багажник – достать что-нибудь от дождя. У меня была красная куртка, у неё жёлтый дождевик, а у папы зелёная куртка – втроём мы получались как светофор.

Ветер погнал нас в сторону торчавшей на набережной деревянной скамейки, и мама, конечно же, на неё села. Скамейка была мокрая-премокрая, но маму это не волновало – когда люди становятся морскими биологами, сырость их уже не пугает.

– Джу, как ты, моя девочка?

– Нормально.

– Ух и долго же мы ехали, – сказала она.

– Я знаю. Я тоже ехала.

Она заозиралась и, когда увидела меня, даже подскочила, будто от удивления.

– Как, и ты тоже? Неужели?

Я хихикнула.

– Мам, гренландская акула.

– *Somniosus microcephalus*.

– Я кое-что почитала про неё на папином телефоне.

– О, ты поймала сеть? Как тебе удалось?

– Что она может прожить целых пятьсот семнадцать лет.

Мама покачала головой.

– Нет? Не может?

– Точно не известно. Может, и может, но акула такого возраста никому ещё не встречалась. Самой старой из всех было лет четыреста.

– *Четыреста?! – Я вытаращила глаза.*

– Угу. – Вот, и каждый раз так. Совершенно же невероятные факты, а она – «угу», будто мы с ней обсуждаем, что купить в супермаркете. Будто все её знания – это что-то само собой разумеющееся, как её жёлтый дождевик: набросила и пошла. – Плюс есть вероятность ошибки. Обычно возраст акул установить достаточно легко: у них в позвонках формируются годовичные кольца, как в стволах деревьев. Но у гренландской акулы позвонки для этого слишком мягкие. Поэтому учёные научились определять её возраст по хрусталику глаза.

– По хрусталику?! – В голове у меня будто раздвинулись какие-то рамки, я постаралась запомнить факты, чтобы потом вписать их в записную книжку. – Нет, ну эти учёные вообще сумасшедшие!

Мама поморщилась. Она не любила это слово. Сумасшедшие, говорила она, – это просто люди, которых не понимают другие люди.

– Отнюдь.

– А как это акулы столько живут?

– Медленно, – ответила мама. Ветер бросал волосы ей в лицо, она их не откидывала. Обычно мама завязывала хвост, но в тот день нет, это я точно помню. Потому что за кольцами

волос лица её было почти не видно, я ещё подумала: как жрица из какой-нибудь легенды, сейчас начнёт предсказывать будущее.

– Медленно? – Я наморщила нос. – То есть?

– То есть они медленно двигаются, медленно стареют. Будто обманывают время. За год они вырастают всего на один сантиметр. Знаешь, сколько это? – Она показала двумя пальцами, почти сведя их вместе. – Почти нисколько.

– Как ты думаешь, а я долго проживу? Я же быстро расту.

Мама рассмеялась и притянула меня к себе. От неё пахло морем, резиной дождевика и мясными рулетиками.

– Долго-предолго.

– Ну ма-ам! – Я притворилась, будто вырываюсь, хотя на самом деле ничуть не возражала, что мама меня обнимает. А потом раздался гудок.

Когда все машины въехали, паром так осел, что я старалась не смотреть на воду. И уткнулась в свою жёлтую записную книжку – просто чтобы не думать про то, как мы все сейчас потонем. Книжка была у меня уже больше года, я с девяти лет записывала в неё всякие факты о морских существах. Я открыла новую страницу, сверху написала заголовок: ГРЕНЛАНДСКИЕ АКУЛЫ. А под ним – про хрусталики и про мягкие позвонки.

История не самый мой любимый предмет, но всё равно, что-то я из неё помню и, значит, понимаю, что та акула родилась раньше Наполеона. И раньше Моцарта, про которого мисс Бреймер нам рассказывала на музыке. А Наполеон с Моцартом жили реально давно.

Между серым морем и серыми тучами показалась деревня Белмонт – вдоль берега тянулись приплюснутые серые дома. Я ничего не имею против серого. Мои самые любимые животные, после Лапши, – серые тюлени. Но всё равно как-то сразу стало понятно, что солнечный Корнуолл остался далеко позади, а тут только Анст с дождём, хоть и всего на одно лето, – от этого внутри у меня стало неудобно.

Потом мы опять ехали на машине. Все молчали, даже Лапша – интересно, думала я, она чувствует то же, что и я? Из деревни вглубь острова вела только одна дорога, машины по очереди с неё съезжали и укатывали, кому куда надо, впереди нас остались только две машинки, но потом и они свернули направо, а мы, на развилке в конце дороги, – налево, как было указано на схеме, которую перед отъездом папе прислали с работы. Дальше никаких дорожных знаков уже не было, одни кочки с рытвинами.

Дождь барабанил по крыше машины, как папа, когда ждёт какого-нибудь срочного имейла, – пальцами по столу. Но мамино окно всё равно было приоткрыто, в него влетал дождь вместе с запахами грязи и травы.

– Мы точно едем куда надо? – спросил папа.

– А больше тут некуда. – Мама помахала распечатанной схемой. – Видишь: от Белмонта прямо, на развилке налево и дальше, никуда не сворачивая, до самого Аффл-Джента.

Ага, вы не ослышались, такое вот название у маяка: Аффл-Джент. И это ещё ничего, соседний – вообще Макл-Флагга. Так что могло быть и хуже.

Дорога теперь шла на подъём, наша машина, пыхтя, взбиралась выше, выше, выше. Когда мы доползли до самого верха, мама опустила стекло, высунула голову и вскрикнула:

– Джу, Дэн! Смотрите!

Как будто мы могли не заметить. Попробуй такое не заметь. Дорога заканчивалась ровной площадкой вроде парковки, только парковка эта была ничем не вымощенная и сильно заросшая. Дальше травянистый склон забирал опять круто вверх, и там, на вершине утёса, за которым берег обрывался и простиралось широкое качающееся море, в небо взмывала круглая белая с чёрным башня.

Аффл-Джент. Наш маяк.

Я, кстати, поняла, почему в книгах действие так часто разворачивается на маяках. Ну потому что маяк – это уже сразу приключения, ещё до того как попадёшь внутрь. Снаружи к стене была приделана узкая и прямая железная лестница, идущая до самого верха, так что можно было снизу подняться прямо к зарешеченному фонарю с маячной лампой. Вокруг фонаря – открытая галерея с перилами. Под лестницей всё заросло крапивой и утёсником, а папе надо было найти ключ от маяка, и ему пришлось обшаривать все эти заросли. Он очень сильно ругался, но мама его даже не одёргивала, потому что была в это время занята: она смотрела на море. Наконец ключ нашёлся под старым жестяным ведром, залитым до половины дождевой водой. Папа поднял ключ над головой двумя пальцами, а потом вытер эти два пальца о джинсы. Нет, вообще мой папа иногда, конечно, жуткий зануда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.